

ГИТАРА НОМЕР ПЯТНАДЦАТЬ

- Ма-ам, я решил не поступать на юриста! – лихо встряхнув русой челкой, заявил шестнадцатилетний Виталик.
- Мама, в тот момент перетиравшая посуду, так и села на подвернувшийся табурет.
- Так, а ну-ка рассказывай мне, это еще почему?
- Я решил, что мы с ребятами вполне самостоятельны как рок-группа!
- Ах, рок-группа!.. – В глазах мамы сверкнул недобрый огонек.
- Увлечение сына гитарой она не одобряла, а когда тот наотрез отказался стричься и стал отращивать волосы, то вовсе решила, что ее дорогому ребенку окончательно промыли мозги эти «орангутанги». На борьбу с порочным увлечением тратилась немалая доля материнских усилий, направляемых в русло воспитания. Но воля сына, на беду, была под стать материнской. Поэтому борьба велась беспрестанно, но – для обеих сторон тщетно.
- Ах, рок-группа!.. – повторила мама тихим, сдержанным голосом, не предвещавшим ничего хорошего.
- С быстротой молнии вскочила с табурета, схватила посудную тряпку, сделанную из старых колготок, и начала гонять Виталика вокруг обеденного стола.
- Вот ему чего захотелось! Я не для того тебя растила, чтобы ты к этим наркоманам подался!..
- Все равно, все равно не пойду в твой чертов юридический! Я там сдохну со скуки!
- Не пойдешь в юридический – пойдешь бутылки собирать! Сам потом прибежишь плакаться, да поздно будет!
- Да я сегодня сто двадцать рублей заработал, за один день! Поровну поделили, на троих! Посмотрела бы хоть! Спросила бы!..
- Сегодня сто двадцать, а потом месяц ни гроша! Ты чем месяц питаться будешь?! Святым духом?!
- Откуда ты всегда все знаешь?!
- Знаю потому что! Хоть бы раз мать послушал!..
- Парень по опыту знал, что после этой ключевой фразы продолжать разговор было решительно бесполезно, будь ты хоть сам премьер-министр Великобритании. Не дослушав гневные выкрики, он хлопнул дверью и ушел в свою комнату – переживать.
- Виталик считал, что между мамой и рок-музыкой с самого начала существовало непреодолимое противоречие. Мама ненавидела русский рок и все, что было с ним связано, лютой и необъяснимой ненавистью. Впрочем, рок-музыке как раз было наплевать на маму Виталика. Так что вражда была скорее из разряда «Москка лает на слона», поскольку ни одна мама в мире не способна нейтрализовать массовое культурное явление, чему юноша был втайне рад. Иногда по ночам он думал,

что было бы, если бы против рока объединились все мамы мира... Пожалуй, тогда силы стали бы примерно равны, и еще неизвестно, во что все это могло вылиться в итоге...

Несколько лет назад первые искры нового интереса только начинали озарять впечатлительную подростковую душу. Давно отгремевшие хитовые песни прошлых лет, не сделавшись из-за своего солидного возраста ни капельки хуже, с охватывающим до самых пяток восторгом открывались Виталиком, как Америка Колумбом. Вот тогда-то и завязалась эта непримиримая враждебность двух значимых частей Виталькиного мира.

Слушать любимые песни через колонки так, чтобы трясся пол и аж стены трещали, – вот это да, вот это он любил!.. Однако такое радостное времяпрепровождение оказалось невозможно категорически. С первых аккордов мама, как пригородный экспресс, мчалась из кухни, неся полные легкие крика, а иногда и мокрую тряпку вдобавок. Самое интересное, что незадолго до этого, когда из колонок с примерно такой же громкостью звучали хиты из американских фильмов про супергероев, подобной реакции не было. Виталька даже провел эксперимент, пытаясь установить, в жанре ли дело. Оказалось, что на взятые наугад симфонии Моцарта, вопящие на весь дом, за все три опытных дня мама ни разу так не отреагировала. Но кому нужен этот Моцарт, когда есть Цой и все остальные!.. Они же ведь самые настоящие люди – не то что все эти супергерои из кем-то придуманных комиксов! Надо ли говорить, что зарубежные фильмы мальчишку больше не увлекали.

После нескольких подобных скандалов почти физическая тяга к русскому року у стремительно растущего организма, конечно же, никуда не испарилась. Но продолжать в том же духе и в результате нарываться на мамин гнев по новой не было никакого смысла. Виталик понял, что из нарисовавшейся ситуации необходимо придумать какой-нибудь выход, не спал полночи, волнуясь и продумывая план действий. Утром проснулся в твердой и непоколебимой решимости. И начал копить деньги.

Копил долго, обманывая, что требуют сдать в школу на довольно дешевые столовские завтраки. Завтраки действительно имели место. Но после третьего отравления то ли котлетами, то ли киселем ярко-сиреневого цвета, который, наверное, мог бы светиться в темноте, поглощать их Виталик больше не хотел ни в какую.

Скоро набралась достаточная сумма, и парень наконец разжился вымечтанными наушниками. С ними неожиданная мокрая тряпка во время самого лучшего аккорда в припеве ему уже не грозила. Конечно, все равно доставать их при маме в открытую было нельзя, но в целом жить стало чуточку спокойнее.

Душа, как известно, очень быстро привыкает к хорошему и всегда начинает требовать большего. Песни с такими простыми, но пронзающими мотивами, с такими замысловатыми, но правдивыми текстами хотелось не только слушать, но и петь самому.

Честным трудом по ночной разгрузке вагонов четырнадцатилетний тогда Виталька за лето заработал себе на гитару. В полиэтиленовом мешке из-под сахарной свеклы инструмент был тайно пронесен в квартиру и спрятан под кровать, где в пыли и нагромождении многочисленных ненужных предметов выглядел достаточно незаметно.

Первые репетиции происходили в те редкие и захватывающие вечера, которые мама проводила у подруги из дома напротив.

Поначалу струны не слушались и получавшиеся звуки резали ухо. К тому же еще и Виталькин голос начал ломаться. Какофония получалась такая, что соседи по вечерам прятались под матрас. На третью неделю, не выдержав, они обратились с жалобой напрямую к ни о чем не подозревающей маме.

Тем же вечером война открыла второй фронт.

Скандал произошел жуткий. И очень громкий. Соседи успели не один раз крупно пожалеть о своей жалобе, коротая вечер все под тем же матрасом.

Инструмент отстоять удалось в качестве дорогого предмета мебели, который можно хранить «на черный день» ради его денежного эквивалента. За это гитара даже получила почетное право оставаться под кроватью без маскировочного мешка. Новая жительница квартиры, однако же, должна была навсегда перестать использоваться по ее прямому назначению, под честное Виталькино слово – во благо материнского сердца, чутких соседских ушей и мира во всем мире. Парень, обрадовавшись положительному исходу дела, не задумываясь дал обещание.

Несколько дней подряд он доставал гитару из-под кровати, как свою величайшую драгоценность. Рассматривал, крутил в руках и, порадовавшись хотя бы немного, со вздохом убирал инструмент обратно, до лучших времен.

Душа тем временем изнывала без репетиций.

Однажды Виталька полез на лестничную площадку самого верхнего этажа – ему показалось, что там мяукает котенок. Котенка он не нашел, зато заметил, что дверь чердачного люка открыта и больше не заперта на замок. Увидев это, Виталька понял, что лучшие времена наступили.

Теперь мальчишка дождался, пока мама уснет, и уходил орать свои песни на чердак, пугая и заставляя озираться по сторонам редких ночных прохожих.

Парню иногда казалось, что инструмент живой. С ним можно было делиться настроением и общаться по душам, как с человеком. Он всегда оказывался рядом в трудную минуту, как хороший товарищ, успокаивал, как настоящий друг. С появлением в квартире нового «жильца» наушники были понижены в чине и разжалованы из благодатного источника до обучающего приспособления, источающего безошибочные мотивы и потому полезного для подбора на слух все новых и новых аккордов.

Разумеется, про чердачные репетиции рано или поздно тоже стало известно. Информация просочилась от соседей с последнего этажа, проследивших в дверной глазок перемещения вечернего гостя. Эта нелюдимая семейная пара из сорок пятой долго расспрашивала лавочных старушек, прежде чем удалось установить адрес. Они точно так же нагрянули с кляззой к матери.

По счастью, Виталька на тот момент был в лагере, в связи с чем благополучно избежал немедленной взбучки. Свой первый порыв – разломать злополучную штукуну на мелкие куски, сложить из них ритуальный костер и поджечь во дворе во имя Всех Светлых Сил – мать в себе подавила. Нацедив для верности валериановых капель, женщина окончательно взяла себя в руки и решила действовать хитрее. Бесконечно радуясь тому, что сына нет дома, она втихомолку предложила соседу с многочисленными «нехорошими» связями в среде барыг купить у нее гитару за какой-то бесценник, дабы он мог потом перепродать им инструмент втридорога. На другой же день сосед реализовал ценный подарок в связи с насущной потребностью в водке.

Казалось, что проблема была решена.

Приехав из лагеря, Виталик устроил первую в жизни истерику и ушел из дому на два дня. Вернулся с синяком под левым глазом и со своей отвоёванной невесть как и у каких дельцов

гитарой, на передней деке которой кто-то успел коряво вывести красной краской число 15.

Впрочем, темно-коричневую гитару это даже украсило. Благодаря кровавому, как шрам, двузначному числу инструмент сумел выделиться из толпы себе подобных, стал узнаваемым (с претензией на уникальность) и даже приобрел собственную легенду.

Виталик и его гитара № 15 скоро и вправду стали знаменитостями на все три подъезда многоквартирной высотки. Юноша, закалившийся в боях за свое право на инструмент, теперь выходил играть прямо во двор, уже не стесняясь ни публичности, ни сплетен соседей. Ведь мать уже успела разнести чуть ли не по всему району, что ее непутевый сын изволил исчезнуть из-за, видите ли, гитары! Так что все знали, как он пропал. Теперь же все видели, как он вернулся.

Заинтересованным лицам парень охотно рассказывал, почему он поет не в квартире, а здесь, и откуда гитара приобрела свою странную нумерацию. История расходилась из уст в уста между мужиками, которые по вечерам коротали время у своих гаражей. В связи с этим случаем они охотно вспоминали свою небезынтересную молодость и собственные безумства...

Мать злилась душе прежнего, ибо ее недоброе дело пошло только на руку сыновнему увлечению, и глубоко сожалела о нереализованной идее ритуального костра.

Как-то раз, выбрав время, когда Виталька отсутствовал дома по причине занятий в школе, она крадучись зашла в комнату сына.

Гитара лежала там же, под кроватью, и всем своим видом гордо посмеивалась. За это ее хотелось просто придушить. Руки невольно потянулись к грифу – как будто бы к горлу... Но какая-то невидимая сила окружала победоносный инструмент золотистым ореолом неприкасаемости, и руки, так и не дотянувшись до своей цели, бессильно отпрянули назад. Мать быстро вышла из комнаты, грызя заломившийся ноготь.

Злой «рок» тяготел, очевидно, надо всем домом, ибо скоро Виталька нашел себе сотоварища по хобби. Он приобрел друга в лице подростка Валька из третьего подъезда, у которого была отцовская почти расстроенная гитара и неплохой, с едва заметной хрипотцой, голос.

Теперь они могли с полным правом петь прямо на скамейке перед детской площадкой, представляя собой уже не взъерошенных загнанных одиночек, но цивилизованное творческое объ-

единение. Пиво мальчики не распивали, так что запозднившиеся мамочки не гоняли их, а иной раз даже слушали импровизированные концерты с любопытством и, случалось, жиденько аплодировали.

Мать презрительно фыркала на такую популярность и все чаще уходила к той самой подруге из дома напротив – рассказывать про то, что ее единственный сын отбился от рук. Соседка с дружеской готовностью, достойной сравнения с боевой, слушала, как именно он отбился и в каких масштабах. Сетовала на современную молодежь. Давала одни и те же бессмысленные советы.

Крепнувший в своих убеждениях Виталька в пику матери завел себе черную кожаную косуху и ходил в ней не снимая. Больше всего он любил прямо так сидеть на драгоценном диване в гостиной, с которого при случае неизменно прогонялся тряпкой под аргументом «Не ходи по дому в верхней одежде, сколько раз тебе говорить!».

На свой шестнадцатый день рождения, вдохновленный невесть чьим непотребным примером, Виталька проколол себе левое ухо. Дома – чудом его не лишился. Но серьгу снимать не стал даже под угрозой проклятия.

Вскоре к Виталькиному дуэту прибился еще один парень из спортивной школы, куда ходил Валек.

Димон оказался сочинителем неплохих, почти осмысленных стихов, которые легко перекладывались на песни, и обладателем тамбурина. Решено было организовать собственную музыкальную группу. Незамысловатое название «ВДВ» – Виталик, Димон, Валек – было выбрано путем долгих споров и горячих препирательств.

Группа стала собираться по выходным в людных переходах и играть там все, что только было разучено, – свои «первые ласточки» и чужие хиты, спетые уже сотни раз до хрипоты в горле.

В тот самый день, когда они заработали за три с лишним часа непрерывного искусства триста шестьдесят семь рублей, Виталик ощутил неповторимый, искрящийся счастьем вкус зарабатывания денег любимым делом и решил из принципа не поступать на юриста.

Конечно, он еще ни в чем не был уверен. Будущее пролегалo вперед и только вперед, растворяясь в тумане уже через пару шагов и делаясь еле заметной тропой... Парень смутно понимал, что пробиться по-настоящему будет непросто. Но прикладывать свои усилия в иных направлениях не хотел до дрожи в коленках.

Громкое и уверенное заявление о юридическом перед матерью было не чем иным, как попыткой убедить самого себя в сделанном выборе, а заодно и в реальности достижения заветной мечты. Да и, кроме того, утереть нос матери, так крепко солившей ему все эти годы, похваставшись перед ней своими успехами, тоже хотелось.

Однако маму не интересовали его успехи. Ее интересовало исключительно его поступление, потому что кто-то там, через кого-то там, после приложенных ею всесторонних усилий, весьма неопределенно пообещал ходатайствовать за Виталика в случае подачи им документов на юрфак. Мать схватилась за это обещание, как утопающий за соломинку.

С такой матерью и с такой соломинкой Виталик был почти обречен.

Он и сам понимал это. И поэтому после произошедшего знакового скандала заперся в своей комнате, чтобы ему не мешали думать.

Ничего путного за весь вечер в голову так и не пришло. На следующий день – тоже... В растерянности юноша решил посоветоваться с первокурсником Андреем, жившим этажом выше, который был известен тем, что умел изображать из себя любое животное, благодаря чему в прошлом году удачливо проскочил на первый курс по специализации «актер драматического театра».

– Здорово! – приветствовал его Андрей, открывший дверь в домашних тапочках на босу ногу. – Ты по какому поводу?
– Привет. Мне, в общем, поговорить надо.
– А, ну заходи!

Мальчики прошли на кухню. Гостеприимный Андрей молча достал еще одну кружку, сварганил в ней чай и поставил ее перед гостем.

Без лишних предисловий Виталик начал:
– Повезло тебе, поступил куда хотелось! Золотые у тебя родители... А моя мать хочет, чтобы я поступил на юриста.

Андрей присвистнул и немного подумал.
– А сам ты чего хочешь?
– Играть в группе! И ничего другого не хочу! Не зачем тратить силы на то, что не нравится, как думаешь?

Андрей глубокомысленно отпил чай из своей большой чашки в горошек.

– Вот я поступил, куда хотел. И что, ты думаешь, оказалось? Оказалось – тяжело. Первый курс. Занятия с утра до ночи – почти круглосуточно. Шесть дней в неделю, иногда и по воскресеньям бывают, по полдня... Это сегодня хорошо, вы-

ходной как выходной наконец-то, отоспался хоть за целую неделю – дрых до одиннадцати утра... Вот ты меня в непарадном виде и застукал... Думаю оттуда валить и в этот год поступать на что-нибудь нормальное.

- Что – нормальное? Юридический – нормальное, что ли?
- «Вас ждут фабрики и заводы!» – глубокомысленно процитировал Андрей. – Так нам на каждой паре говорит преподавательница по сценическому движению. А еще у нас отсея после первого курса двадцать процентов. И знаешь, как мне кажется? Если я окажусь в их числе и вылеку отсюда, потом, скажем, поступлю туда снова – и снова вылеку, и в итоге не будет у меня нормальной вышки – фабрики и заводы меня действительно ждут...

Обладатель гитары №15 грустно вздохнул. Самого Виталика, по заверению его мамы, не ждал никто. Не ждали даже и там. Несобранные бутылки не в счет – такие незначительные предметы, скорее всего, ждать не умеют.

По прошествии многих часов раздумий и полубессонных от переживания ночей документы в юридический были поданы.

Наконец настал знаменательный день, в который должны были объявить результаты набора. Протолкавшись среди абитуриентов к списку поступивших, Виталик прочел свое имя. Вздохнул – но едва ли с облегчением, скорее с чувством неотвратимости грядущей пятилетней тоски... Он должен был, со своими-то экзаменационными результатами, быть благодарным тому самому кому-то там, из-за которого он теперь настоящий студент, он – здесь. Но на сердце упрямо скребли неблагоприятные кошки.

Теперь времени на нереализованную, но не забытую мечту оставалось мало, да и выкраивать его удавалось далеко не каждый день. Верить в нее стало еще трудней оттого, что расплылась его группа. Димон махнул на все рукой и подался к поэтам, поймать Валька было трудно из-за постоянных соревнований...

Толстенные скучные учебники Виталька скоро возненавидел. Постановления, приказы и положения снились ему в страшных снах. Нетворческая учеба давала тугу. Теперь вместо ночных репетиций Виталик зубрил законодательные статьи и в перерывах бился головой о стену.

В первую же зимнюю сессию очередной экзамен он завалил с треском, придя с путанными от переутомления обрывками фраз в голове и без взятки

в кармане. Не стал выпрашивать себе шанса на пересдачу – молча развернулся и ушел.

Надумав про себя что-то по дороге, домой зашел мрачнее тучи. Мать, как всегда, убиралась на кухне.

- Я завалил экзамен. Пересдачи не будет. Я летаю с твоего юридического.

Мать замерла на секунду. Развернулась всем телом.

- Ты не посмеешь... – после секундной паузы прошипела она и вдруг ахнула: – Да ты это специально!
- Я?.. Я – специально?! Я? – Виталик ощутил, что расширяется, расширяется и сейчас взорвется, как атомная бомба, – Это ты! Это все ты! Ты разбила мою мечту, я бросил гитару, растерял свою группу! Из-за тебя я не стал музыкантом, и юристом тоже не стану! Паршивый из меня юрист! Никакой! Провались он, этот твой чертов юрфак!

- Придурок! – сорвалась мать и бросилась за сыном по привычному окоlostольному кругу. – Что, вот что ты теперь делать будешь?!

- Мечту свою реализовывать! – на бегу открикивался парень. – Осенью в музыкальное училище пойду! Соберу новую группу! Ты про меня еще по телику услышишь!

- И думать не смей, я тебе сказала! Не смей, слышишь меня? Проклятая твоя музыка! На наркотики сядешь, до тридцати не доживешь, как отец твой, будь он неладен!

Виталик сразу забыл, что куда-то бежит, и застыл на месте, как каменное изваяние. Поперхнулся, задохнулся застревающими в перехваченном спазмами горле словами:

- Ты... мне... никогда не говорила!

Руки и ноги почему-то сразу стали тяжелыми, стало трудно думать, дышать и вообще передвигаться.

- Оставил меня одну, без мужа, с тобой годовалым на руках... Ни о ком не подумал... – плакала навзрыд мама, сидя на табурете и вытирая с увядшего лица слезы мокрой посудной тряпкой.

Витальке впервые за последние несколько лет, если не вообще впервые в жизни, стало жалко мать. Он подошел к ней на свинцовых ногах, неловко обнял за содрогающиеся плечи.

- Почему ты не говорила мне... Так вот оно что. Мам... Мама. Это мой выбор. Понимаешь, мой выбор? А отец... Я ведь тут ни при чем... Ни при чем... Слышишь?! Понимаешь меня?! Ма-ма!..

Мать не слушала, размазывая текущие из глаз, опустошенных многолетней вынашиваемой болью, слезы...

Виталька был невозмутимо-спокоен, забирая из деканата поданные при поступлении документы. Он рассчитывал, что до августа ему как раз хватит времени на подготовку, и уже присматривался к факультетам «музыкалки».

Весной освобожденному от рутины высшего образования Виталику пришла повестка. Его забирали в армию. Дать взятку было некому. Болен Виталий не был. Мать проводила его спокойно, впервые без эмоций, без слез, какая-то вся притихшая.

Сын пошел в армию покорно, как барашек на заклание. Такие понятия, как патриотизм и любовь к Родине, выдуло из его головы сразу и начисто. Армия с ее униформой и строевым шагом казалась ему пугающей, ломающей душу каторгой, пройдя которую он уже не сможет остаться прежним... Остаться тем самым патлатым подростком Виталиком, который мог решать за себя сам и всегда знал, чего он хочет. Тем Виталиком, к которому он привык и которого так любил в себе сам.

Виталик плакал, стиснув зубы до хруста, а на пол одна за другой сиротливо падали длинные, некогда бывшие роскошными, русые пряди...

Он вернулся окрепший и подросший. Открыл дверь в свою комнату, вдыхая широкими легкими до странности знакомый, но при этом почти забытый запах родного дома.

На кровати его терпеливо ждала положенная сюда матерью припылившаяся гитара с криво написанным красной краской числом 15.

Все дороги были открыты.

